

Почему Евгений Жариков отказался от роли Шарاپова

Век. клуб. - 1994. - 27 авг. - с. 3

самого дотошного исследования. Пройдут десятилетия, и люди скажут: он создал мощную империю, которая самоуничтожилась.

— И все-таки не хотелось бы еще раз такое пережить?

— Безусловно. Но не хотелось бы и такого бессмысленного развала, и того, что творится сейчас.

— Я слышала, что поэт Платон Воронко, которого вы сыграли в «Думе о Ковпаке», был другом вашего отца Леонида Жарикова...

— Они вместе учились в одном институте и были очень похожи. Одну из своих первых книжек Платон Никитич подарил отцу с надписью: «Лене Жарикову, который на меня похож больше, чем я сам на себя».

— Ваш отец писатель, а мать?

— Кстати, Леонид Жариков — его псевдоним, по паспорту он Илья. А мама была учительницей литературы и истории. И, конечно, помощником и первым редактором отца, и машинисткой, которая перепечатывала по сто раз одни и те же страницы.

— Евгений Ильич, если бы вы были режиссером, какую картину сняли бы?

— Было такое желание до того, как занялся гильдией. Дело в том, что меня, Сашу Збруева, Володю Ивашова, Лапшина, Олега Видова все время приглашали на одни и те же роли, наверное, мы были одноплановые, хотя и разные. Я мечтал снять русскую «Великолепную семерку», собрать артистов, которые считаются

одноплановыми, и показать, что у каждого свои индивидуальные, свой характер. Но в Госкино сказали: «Зачем вам режиссура?» Не получилось.

— О кинематографе 1990-х говорят как об умирающем. Согласны с этим?

— Разрушена связь между производством и реализацией — самое страшное, что сделано. Но кино живет. Число хороших фильмов прежде; очень труден выход их на экраны. Но есть надежда возратить традиции. Что касается режиссуры, особенно молодой... Она старается подражать западному кино, а ведь мы всегда сохраняли собственное лицо. Наши фильмы были сняты по-русски, они до сих пор волнуют.

— Какой вопрос вы хотели бы сами себе задать?

— «Когда наконец ты сможешь надеть теплые шерстяные носки, сесть в мягкое кресло напротив камина и почитать любимую книгу?»

— Какою?

— О-о-о, это особая тема! Есть много непрочитанных книг, много прочитанных, которые люблю перечитывать. Много стихов. Хочется и самому что-то «наарапать». Люблю работать руками. Постоять у точильного станка, сделать что-то из камня, из дерева. Построить бы дом! Чтобы были в нем «четверги у Жарикова», приходили незвано друзья, коллеги. Но это недостижимо: для этого нужно быть богатым, а я попросту нищий.

Екатерина МЕТЛИНА.
Фото Николая МАЛЫШЕВА
(ИТАР—ТАСС).

сих пор), юриста Мищенко и экономиста Вагину. Они и нас четверо — Борис Токарев, Всеволод Шиловский, Евгений Герасимов и я несли на себе самую основную нагрузку. Добыли уставы, другие документы зарубежных коллег. Подготовительная работа заняла около года; наконец 6 декабря 1988-го была собрана всеобщая конференция актеров, на которой утвердили устав, выбрали руководящие органы, подали заявку на регистрацию.

— Сейчас вы готовите международный открытый актерский фестиваль «Созвездие-94».

— Только что прошел международный фестиваль «Балтийская жемчужина», идея которого тоже возникла в нашей гильдии; мы стали одним из его учредителей. 28 августа старует «Созвездие-94», в котором участвуют страны ближнего зарубежья. Совет гильдии утвердил жюри, председателем которого согласился быть Михаил Андреевич Глузский. 30 августа в Одессе — открытие, далее пароход «Маршал Рыбалко» пойдет на Севастополь, Евпаторию, Херсон, Новую Каховку, Запорожье, Днепропетровск, Кременчуг, Канев — до Киева. Фестиваль проведем совместно с Гильдией актеров Украины. Главное — достигнуть контакта между актерами разных стран, которые много лет работали вместе, а затем их разъединили.

— Гильдия с ее заботами позволяет вам сниматься?

— Позволяет, но я себя ограничиваю. То, чем я занимаюсь — строительством «последнего причала» для артистов, — важнее, чем сыграть десять главных ролей в удачных фильмах. Нужно сделать что-то стоящее, пожертвовав своими заработками, интересами, творчеством.

— Вы артист герасимовской школы. ВГИК 1960-х вспоминаете с какими чувствами?

— С восторгом! Годы учебы — с 1959-го по 1964-й — самые счастливые! Учитель — Сергей Аполлинарьевич Герасимов. «Мой» первый фильм — «А если это любовь?» ставил Юлий Райзман; второй фильм — «Иваново детство» — Андрей Тарковский. У Генриха Агасянина я снялся в «Три плюс два». Были и другие режиссеры, лучше

хуже, были и такие, которые плохо представляли, что такое режиссура...

— Вы чувствовали, что получите плохой фильм, но все-таки снимались?

— Порой назначали в приказном порядке. Был такой фильм «Нет и да», первый стереоскопический. В нем снимались Людмила Гурченко, Всеволод Абдулов и я. Прочитав сценарий, я его просто отбросил. Но в это время я уже был штатным артистом «Мосфильма». Вызвали к начальству, спросили: «Вы зачем пришли на «Мосфильм»? Работать? Вот и работайте». Или уходи, или играй. Ну, я подумал, что от меня не убудет, если снимусь. Фильм вышел ерундовый. Позорная страница биографии, признаю. Но я снялся более чем в 60 фильмах, а стыжусь двух-трех.

— Можно узнать, когда и как вы познакомились с Натальей Федоровной Гвоздиковой?

— Наташа поступила во ВГИК через 8 лет после меня. Нас свела съемочная площадка, фильм «Возле этих окон» по роману Лазаря Карелина «Микрорайон». Кстати, не надо путать с фильмом «Микрорайон» — очень неприятная картина. А наша — о молодежи, для молодежи, средняя. Там я тоже работал в приказном порядке, и Наташа. Сначала мы очень не понравились друг другу. Я посчитал ее воображалой, она решила, что я зазнавшийся «корифей». Но, поработав несколько дней вместе, мы поняли, что оба ошибались. У нее была первая реакция на незнакомого человека — иглы выпускать, а я заботливый, нежный и никакой не хвастун.

— Много снимались вместе?

— Много. Что вспомню? «Рожденная революцией», «Возле этих окон», «Мой генерал», «Любовь моя вечная» (в этой картине работала вместе с Анатолием Папановым), «Дума о Ковпаке», «Семь часов до гибели»... Часто нас воспринимали как идеальную семейную пару, а мы обычные, тоже ссорились и мирились... В какой-то момент мы отказались: все одно и то же, сколько можно, дома муж и жена, в картинах муж и жена, надоело. В «Снегурочке» я стал Лелем.

Впервые мы увидели его в многосерийном фильме «Рожденная революцией» в роли молодого милиционера Николая Кондратьева, который мужает, набирается опыта и становится в финале генералом милиции. Прошли годы и годы, а он все с тем же молодым блеском в глазах, такой же красивый и энергичный — Евгений Ильич Жариков, заслуженный артист России, лауреат Государственной премии, президент Гильдии киноактеров.

— Евгений Ильич, что представляет собой гильдия?

— Вообще-то слову «гильдия» более 600 лет. Родилось оно в Англии, обозначало сообщество профессионалов, объединившихся для защиты своих интересов. Мы, актеры, первыми вернули слово «гильдия» в Россию в 1988 году. Сначала хотели назвать ассоциацией, но «гильдия» более отвечает сути: защите прав актеров. Работаем с профсоюзами, с парламентом, с правительством — по поводу изменений в законодательстве, доведения его до мирового уровня, защиты прав актеров в судах. Выиграли несколько судебных процессов, и сейчас ведутся процессы — по поводу незаконного увольнения или изменения оплаты, искажения образов, озвучания роли другими артистами без согласия основных исполнителей. Занимаемся и благотворительностью. Например, выпустили старинную книгу — собрание молитв — очень красивое издание, перечисляли деньги церквям.

— Что привело именно вас на пост президента гильдии?

— Прежде всего острое сознание несправедливости, всегда существовавшей в нашем кинематографе. У меня уже был опыт работы в искусстве — 35 лет: с 1959 года я снимаюсь. Когда захоронила речь о каких-нибудь льготах, об актерах вспоминали в последнюю очередь, только несколько «прикормленным» доставали блага. Мы, несколько актеров, однажды «озверели», наняли трех специалистов: Сергея Станкевича (он не был тогда депутатом, просто мой товарищ, каковым остается до

Жариков Евгений Ильич